

РАЗДЕЛ II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Р. Р. Бикмухаметова, г. Елабуга

БИБЛЕИЗМЫ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РОМАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Д. И. СТАХЕЕВА

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью углубления знаний за счет малоизученных художественных текстов. Говорить о личности и биографии Д.И. Стахеева не стоит, так как его творчество широко изучается в рамках Елабужского лингвистического и литературоведческого краеведения.

Для демонстрации интертекстуальных связей было выбрано художественное пространство романов «Избранник сердца» и «Обновленный храм». Обращение к романам Д. И. Стахеева обусловлено тем, что его проза при всем своем художественном своеобразии, тесно связана не только с творчеством выдающихся современников, но и творениями крупных литературных деятелей, живших задолго до его рождения. В своем исследовании мы бы хотели проследить связь с религией и с важнейшей книгой христианства — Библией.

Изначально сам термин «интертекстуальность» пришел в конце 60-х гг. XX века из литературоведения, точнее из концепции постструктурализма Юлии Кристевой, и стал одним из ключевых в анализе художественных произведений. При самом общем подходе понятием «интертекстуальность» обозначено межтекстовое взаимодействие, благодаря которому тексты или их части могут разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

Языковая категория интертекстуальности имеет определенные формы выражения, которые в лингвистической литературе получили названия интертекстуальных включений, приемов, маркеров.

Рассмотрим те, которые мы находим в романах «Обновленный храм» и «Избранник сердца». Наиболее часто встречаются такие формы выражения интертекстуальности, как *аллюзия*, *реминисценция*, *цитата*.

Интертекстуальные единицы в романах Стахеева обычно оформляются в виде аллюзий и реминисценций. Но чаще всего автор использует цитаты. Цитаты с тождественным воспроизведением образца сочетаются с цитатами, требующими расшифровки. Самый большой пласт цитат представлен библеизмами.

Интертекстуальное присутствие в поле романа Дмитрия Стахеева практически не ограничено формой произведения. Элементы, представляющие собой отсылку на другой текст, могут возникнуть в любом фрагменте текста от названия до самых последних строк в речи любого из героев, равно как и в речи самого автора. Само название романа *«Обновленный храм»* представляет собой ссылку на Священное Писание. В Новом Завете мы можем найти следующие слова: *«Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы»* (1Кор.3:17). Учитывая эту цитату, приходится отмечать, что ошибочно интерпретировать образ храма в романе исключительно как символ человеческой души. Речь здесь не идет о душе как априорной сущности или характеристики одного из персонажей романа. При описании обновления души героя автор имел целью обновить, прежде всего, сердца его читателей.

Особый интертекстуальный уровень — Ветхозаветные цитаты. Интересны отсылки автора к Псалтырю Давида. Отец Никанор говорит, обращаясь к Ивану Петровичу: *«Пою Богу моему дондеже есмь»* [Стахеев 1992: 190]. Говоря о своем пении, он приводит в противовес пению партеса. Делая такое сравнение, Никанор противопоставляет себя всему остальному миру, особенно Ивану Петровичу и его невозмутимому спокойствию. Так священник Никанор возводит свои заботы о храме в ранг молитвы, а заботы других уподобляет концертному пению, партесному стилю, имеющему в его глазах негативный смысл. И такого эффекта автор достигает путем введения всего лишь одной ссылки на Священное Писание.

Дмитрий Бортнянский, создатель партесного хорового концерта, также упоминается в романе *«Обновленный храм»*. *«Заведет это на самых низких нотах: «Бра-тияе» — умиление! А в хоре, в концертах, в Бортнянского, например: «Возведох очи мои» загудит — и цены нет»* [Стахеев 1992: 193].

Новозаветные цитаты используются автором особенно часто. Отец Никанор — замечательный чтец. Чтобы проиллюстрировать его возможности Стахеев дает ему прочесть нам притчу об исцелении десяти прокаженных. *«Восстав, иди!» — произносил он, например, при чтении Евангелия об исцелении расслабленного, и в этих словах чувствовалась и строгость, и любовь, и прощение. Затем при последующих словах «Вера твоя спасет тя» тон чтения резко изменялся, и в нём ясно слышалось что-то, как бы утверждающее и объясняющее причину исцеления»* [Стахеев 1992: 185]. Однако сам автор называет исцеленного расслабленным, ставя знак равенства между этими двумя разными состояниями.

Знание автором библейских текстов, продемонстрированное в романах, говорит о том, что это словоупотребление не ошибочно и не случайно. Таким образом, Стахеев проводит незримую параллель между болезнями духа и болезнями тела, отождествляя их перед силой человеческой веры и убеждений. Иисус исцелил расслабленного у овечьей купели в Капернауме (Ин.5:1-16), в то же время мы наблюдаем цитату об исцелении прокаженного.

Священник Никанор часто использует цитаты из Библии в качестве элемента, унижающего собеседника. Фактически для него это особый эквивалент ругательств. Так, слова послания апостола Иакова: *«всякое даяние благо и всяк дар совершен»* (Иак. I, 17) превращаются в критику и осуждение по отношению к Ивану Петровичу за благое дело, которое тот совершил [Стахеев 1992: 185].

Медведников, заинтересованный в легкой наживе, говорит: *«Сказано: претерпевый до конца получит спасение»* [Стахеев 1992: 210], *«Сказано: «Праздноречия не даждь ми»* [Стахеев 1992: 211], *«Сказано: грядущего не изжну»* [Стахеев 1992: 209]. Речь героя отличается большим количеством искореженных библейских цитат, большинство из которых произнесены не к месту и не несут смысловую нагрузку. Они подобны просительному слову *«Дай!»* и не служат ничему, кроме корысти героя.

Особую характеристику происходящей суете вокруг денег в романе *«Обновленный храм»* дает высказывание Владыки: *«Но, сказано однако же: «аще не Господь созиждет дом — всуе трудишияся зиждущие»... Да, тем более храм»* [Стахеев 1992: 240]. Используя здесь 126 псалом,

автор напоминает нам, что благие дела не совершаются с дурными намерениями. Нельзя доверить постройку храма бесчестному человеку, поскольку тот будет строить не храм, а хлев.

Цитаты из молитв — еще одна заметная группа интертекстуальных единиц в романах. Молитва крестного знамения исходит из уст Никанора в адрес жителей города N. «*Идите же и научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...*» говорится в Св. Евангелие от Матфея. Именно так крестит отец Никанор людей без разделения на социальное положение и убеждения.

Аллюзии и реминисценции также представлены в основном старозаветными отсылками, новозаветным текстом.

В Библии мы находим: «*Суета сует, сказал Екклесиаст, все — суета!*» (Екклесиаст 12:8). «*Да, все суета!*» [Стахеев 1992: 203] — говорит старик, давший денег Ивану Петровичу. «*Вот поди ж ты, из головы вон. О, суета, суета! В этой нашей сутолоке и не то забудешь...*» [Стахеев 1992: 204]. И в этой повторяющейся фразе о мирской суете можно заметить тонкий намек на соломонову мудрость старика.

Прочие ветхозаветные аллюзии и реминисценции столь же разнообразны. Отец Никанор говорит о погоде: «*хляби небесные разверзлись, и что ни день, то дождь*» [Стахеев 1992: 221]. В данном случае описание ветхозаветного потопа используется в качестве иллюстрации плохой погоды.

Здесь же встречается ещё одно Ветхозаветное упоминание: «*Мафусаиловы годы*» [Стахеев 1992: 262]. Мафусаил прожил, согласно Библии, 969 лет. В данном случае оборот служит оправданием Паисия за свои скрытые мысли, связанные с радостью от смерти человека.

Новозаветные реминисценции прослеживаются во многих ситуациях и образах: «*...хотел уже раскланяться, довольный тем, что благополучно миновал «тесные врата», как владыка остановил его вопросом:*

— *Помедлите несколько...* [Стахеев 1992: 245].

Словосочетание «тесные врата» являются отсылкой к Нагорной проповеди: «***Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие идут ими***» (Матф: 7:13).

Рассуждая о вере поиска света людьми в губернских городах, Стахеев обращается к образам Марфы и Марии из Нового завета. Марфа у автора символизирует рациональное начало, а Мария — духовное. Первая живет заботой о текущем дне, а вторая — верой. «*Они всегда религиозны и верные дочери церкви, хотя каждая, разумеется, по-своему ищет света. Одна находит его чрез чувство тщеславия, удовлетворенного личным знакомством с епископом; другая, подобно евангельской Марфе, ищет света в заботах о столе епископа, в доставлении ему варенья от своих трудов, третья уподобляется Марии, заслушиваясь проповедями владыки, проливая во время их слезы умиления*» [Стахеев 1992: 242].

Творчество Дмитрия Ивановича Стахеева отличается своей самобытностью и честностью перед читателем. Автор позволяет себе быть открытым и откровенным, что не дает возможности для появления плоских сюжетов. Герои его романов держатся на переплетении интертекстуальных взаимодействий в богатом воображении автора.

Таким образом, богатство распределения интертекстуальных единиц в романном творчестве Дмитрия Стахеева позволяет читателю свободно воспринимать авторский текст и соотносить его с собственными культурными знаниями и представлениями.

Литература

1. Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2003.

2. Глушак Т.С., Мирский А.А. Интертекст и интертекстуальность // Дискурсивный континуум: Текст — интертекст — гипертекст: Материалы Всеросс. науч. конф. Самара, 2007.
3. Караулов Ю.Н. Предисловие // Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 1.
5. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. Казань: Татарское книжное издательство, 1992. 417 с.

И. В. Ильина, г. Тюмень

ТЕМА СМЕРТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Духовная культура характеризовалась противоречивостью, пересечением старого и нового. Атмосфера в России в этот период — это атмосфера кризиса, мятежей, революций, невиданных перемен. Противоречия в судьбах России «Серебряного века» отразились в сознании человека. Предчувствие социальных катастроф способствовало созданию особого типа мировоззрения, на котором лежал отпечаток двойственности: высшая самоотверженность превращалась в моральный нигилизм, уважение к достоинству другого — в пренебрежение к его свободе, готовность к смерти — в страх перед ней.

Первая Мировая война, обе революции способствовали процессу деперсонализации личности. Умаление человека проявилось в гипертрофии в человеке животных сторон, низших инстинктов, в высвобождении инстинктов разрушения и смерти. Перед лицом смерти находились тысячи людей. Смерть, гибель России — «больная» тема философов, писателей и поэтов. У последней черты, с точки зрения М. Волошина, стоит народ, страна, её история. Поэт изображает смерти массовые, коллективные, леденящие кровь. Та же тема звучит у З. Гиппиус: «Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой, смеются пушки, разевая рты... и скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающий святынь!» [Кулагина URL].

Можно рассмотреть два вида отношения к смерти, присутствующие в русской литературе конца XIX — начала XX века: с одной стороны, страх смерти, противостояние ей; с другой — смирение перед ней, готовность к жертвенности.

Литература XIX — XX вв. в большей мере пронизана страхом смерти, непониманием ее причин. Человек, оказавшийся у смертной черты, протестует, не понимая, почему умирать должен именно он, а не кто-то другой, для кого смерть, возможно, является закономерной участью. Смерть воспринимается как некая случайность или фатальность, возникает потребность найти виноватого, которым становится Бог.

Мысль о противостоянии смерти звучит и в произведениях раннего М. Горького. Его герои утверждают счастье в борьбе, в смерти на поле битвы, как Сокол и Данко. Писатель изображает героическую смерть, смерть как испытание духовной стойкости и достоинства человека. Достоинство героев Горького появляется из преодоления страха смерти. У Горького гордость и изгнание страха смерти тесно взаимосвязаны. Также он высказывает мысль о необходимости своевременной смерти, о том, что нужно быть благодарным ей.

Горького привлекало учение Н. Федорова. Призыв к победе над смертью был созвучен его собственным исканиям. Человек М. Горького — борец со смертью. Подвиг мыслится Горь-